

Алина Немирова
Григорий Панченко

Потерянная
Принцесса

Алина Немирова
Григорий Панченко

Потерянная Принцесса

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Н50

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-7043-5 (PDF)
ISBN 978-617-12-5759-7

- © Г. Панченко, А. Немирова, 2019
- © Depositphotos.com / sibrikov, alessandroguerr, jopics, anton-tokarev, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Часть I

I

Умереть им всем предстояло еще до ночи, не позже первых сумерек. И то благо: к смерти они приготовились еще утром. Впрочем, нет, не благо. Мучителен и труден оказался для братьев этот день.

А ведь прошлым вечером ничто этого не предвещало. Увидели отряд сарацин, открыто следующий по положому склону, возмутились такой наглостью, ударили с налета, не устранившись численного превосходства... Что это не сарацины и что в сложившихся обстоятельствах такое превосходство следовало бы уважить, поняли очень быстро — и вовремя сумели оттянуться назад, почти без потерь. Повезло: те тоже слегка оторопели от наглости внезапной атаки. Да и отбросил их этот таранный натиск, рассеял, чуть было и в самом деле не смял. Дюжина копий полного состава — не шутка. Особенно если десять из них тевтонские.

Впрочем, вскоре, даже слишком вскоре, чужаки опомнились, оценили соотношение сил — и погнались братьев неотступно, как волки. Счастье еще, что местность им была в новинку... Лютгер, быстро переглянувшись с Бизанти, вывел свои копы к валунной гряде, откуда деваться было вроде бы совершенно некуда. Поэтому преследователи и не торопились, приотстали, сберегая силы коней... А на самом-то деле оттуда открывался путь в три расходящихся ущелья, все одинаково каменистые, всадники там следов не оставят.

Главное — успеть исчезнуть из виду, и это получилось — враг не прямо на плечах висел.

Вот теперь пусть гадают, особенно когда тьма падет. Могут, конечно, натрое свое войско разделить, но тогда, даже если настигнут, окажутся в положении охотника, поймавшего секача за хвост.

Чужаки, скорее всего, это понимают и рисковать не станут. Так что двинутся всеми силами по какому-то одному из ущелий. И тут уж — один шанс из трех...

Однако чужаки поступили иначе. Основные силы придержав позади, они хлестнули вслед беглецам треххвостой плетью легких полусотен. То есть по двум другим ущельям, может, и десятки послали, как знать? А их настигла полусотня. Уже во тьме, но луна светила некстати ярко.

Счастье и чудо, что они сумели эту полусотню вырубить подчистую, ни единому не дав уйти. Тут главное было подстеречь, обернуться из бегущей дичи охотником. Одолеть-то просто: их все еще оставалось десять братьев-рыцарей, каждый со своим копьем, то есть по семеро конных ратников-полубратьев при каждом, и двое «гостей», ну, у этих копья рыцарские, не орденские, по пять ратников при полном оружии. На самом деле после недавней стычки число ратников чуть уменьшилось, но все равно — сила. Особенно если атаковать грамотно. Что тут сможет поделаться жалкая полусотенка без доспехов, с луками и саблями, на легких некованных конях...

Тем не менее отбивались чужаки люто и сумели еще уменьшить число бойцов чуть ли не в каждом копье. Последний даже едва не ушел. Да что там «едва» — ушел бы: пятеро его сородичей встали в заслон и отважно умерли, чтобы он пробился на простор, а там его настичь оказывалось некому. Лютгер рванулся было, но он явно не успевал.

Значит, все. Домчит весть своим, те сразу, еще до наступления утра, возьмут верный след — и уже не оторваться...

Бизанти в бою не участвовал, да от него, проводника, этого и не ждали. Но тут он вдруг ударил пятками своего коня, перемахнул через завал трупов, лошадиных и людских, и устремился следом. Тоже без доспехов, легкий, лишь с тремя дротиками-джеридами в седельном туле, на прекрасном арабском скакуне, не изнуренном сражением, он догнал беглеца почти сразу. Тот обернулся к нему с последней стрелой на тетиве, однако Бизанти коротко взмахнул рукой — и чужак полетел из седла, пронзенный насквозь: кажется, даже выстрелить не успел.

Затем проводник взмахнул рукой еще дважды. После первого взмаха лошадь чужака вздыбилась. Грузно опустилась на все четыре, мотнула головой, будто в недоумении, но свистнул последний джерид — и она рухнула.

Лютгер наблюдал за этим с некоторым изумлением. Да, упустить ее было нельзя: лошадь без всадника, получишь у нее ускакать, сама по себе вестью станет. Но намного резвее был галоп жеребца Бизанти... а им сейчас ох как не помешают запасные кони... Неужто и вправду поймать отчего-то оказалось настолько труднее, чем убить?

Проводник приближался походкой рысью, держась в седле как влитой, и Лютгер сам не понял, отчего его удивление вдруг сменилось беспокойством. Лишь когда всадник оказался в полутора рутах¹ от него, вдруг сделалось ясно: выстрелить чужак все-таки успел.

Стрелу, пронзившую грудь, Бизанти выдернул и теперь держал ее в правой руке. Рану зажимать не пытался: даже в мертвом обманчивом мерцании лунного света было видно — это без толку.

— Смотри! — произнес Бизанти неожиданно звонко. Последним живым усилием протянул стрелу Лютгеру —

¹ Рут — средневековая германская мера длины, обычно составлявшая около пяти метров. (*Тут и далее прим. авт.*)

и обмяк, повалился на шею нервно затанцевавшего на месте жеребца.

Скрипнув зубами, Лютгер той же рукой, что взял стрелу, ухватил и повод. Сменные лошади и вправду сейчас нужны, они в цену жизни.

Повернул к своим. Навстречу ему, прямо по телам, выехал Бруно, почему-то все еще с мечом наголо, будто хотел бой продолжить. Впрочем, опомнился. Бросил клинок в ножны, поднял забрало, хотел заговорить — но Лютгер опередил его:

— Кто?

— Брат Удо и брат Мостар. А брат Карстен ранен.

Другие воины, кроме братьев-рыцарей, для него не существовали. Лютгер промолчал, через плечо Бруно нашел взглядом сержанта Матиуса. Тот высоко поднял обе руки с широко растопыренными пальцами, потом левую пятерню сжал в кулак, а на правой снова пальцы развел — четыре, поджав большой. Ясно.

— И еще Бизанти ибн Курух, — подытожил Лютгер. — Доблестный рыцарь и наш брат во Христе. Вечный покой даруй ему, Господи, и свет вечный да воссияет ему.

Сейчас он уже снова смотрел на Бруно. Но даже если у того и шевельнулись губы, поди это различи: луна столь глубоко под забрало не заглядывала.

Мимолетом подумалось, что лучше бы им и вовсе не видеть лиц друг друга. Но увы: у обоих были новые шлемы, выкованные по особому заказу, с полностью поднимающимся налечником. В бою это иногда бывает очень полезно, пусть даже увеличивает риск. Однако сейчас...

— Да упокоит Господь его душу, — в один голос подхватили оба оказавшихся рядом гостя, бретонец Жансель де Тьерри и британец Мархог. А еще брат Вольфганг и с десяток ратников-полубратьев — все, кто был тут. После чего стало совершенно неуместно отвечать командиру что-то

в таком духе: «Из сарацин подлинных христиан не получается, рыцарями они тоже не бывают».

— И да примет ее в свою славу, — деловито продолжил отец Петар, которого только что поблизости не было. Впрочем, он всегда успевал вовремя туда, где без него сложилось бы хуже. — Через Христа Господа нашего. Аминь.

Теперь уж и вовсе незачем стало что-то возражать. Да и некогда. Едва хватило времени над своими мертвыми краткую молитву прочесть. А потом предстояло взять уставших коней в повод, пересесть на тех, что посвежее, — и спешить прочь. Ибо не вернувшаяся полусотня — это ведь тоже весть, точно указывающая, по какому из ущелий надо отправлять погоню. Вот только теперь она запоздает. Может запоздать.

Лютгеру подвели было одну из трофейных лошадок, но он пересел на коня Бизанти: тот не всякого всадника примет, да и вообще... И только тут заметил, что продолжает держать стрелу: ту самую, которую вручил ему проводник, считая это важным. Самым важным в последние мгновения своей жизни.

Стрела действительно выглядела необычно. Наконечник ее был огромен, почти в ладонь: чуть ли не как у малого копыца.

— Тартары, — сказал Бруно. Он так и сидел на своем громадном жеребце, хотя ему тоже подвели сменную лошадь: ту самую, от которой отказался Лютгер. — Воины ада. Показывал мне дядя их стрелы...

Наверное, он был прав. Бруно вообще довольно часто прав оказывался, ибо умен, опытен и многознающ. И родней богат, хотя это для орденского брата, может, не такое уж благо.

Но о воинах ада ему совершенно точно не следовало говорить в полный голос. От этих слов по отряду сразу круги пошли, как от камня, брошенного в пруд.

Лютгер кивнул, принимая к сведению, — и рысью послал коня вперед.

* * *

В мировых окраинах просвистев осою,
 Саранча надвинулась черной полосой,
 Выкосила пастбища смертною косою,
 Жалами язвящими изготавясь к бою¹.

Адские выходцы. Тартары, они же татары, а еще их почему-то мунгалами иногда называют. Стрел их Лютгеру прежде видеть не доводилось, а те, которые свистели сегодня, не удалось рассмотреть. Но о самих воинах из ада он слышал, конечно. Да кто о них не наслышан...

Вроде прежде не заходили они в Святую землю. Но на окраинах ее слух о них уже пошел — и если хоть десятая часть того, что рассказывали, была правдой, то расстояние им не помеха.

Говорят, что против них еще ни один осажденный город не выстоял. И в поле тоже христианское воинство победы над ними не одерживало: ни в Венгрии, ни в Полонии или Руссии, ни в Персеиде с Тураном. Эти последние, правда, не христианские страны. Что ж, им от адских сил тоже пощады нет.

В справедливой ярости род людской карая,
 Дланью наказующей судьбы размеря,
 Страшный Тартар Бог разверз от края до края,
 Тартара копытами грешных попирая.

А сейчас под копытами малорослых тартарских лошадок и могучих орденских жеребцов гнойно пузырилась болотистая жижа: скверная вода, ржавая, будто кровью подкрашенная, вот только разглядывать ее цвет некому. Ночь

¹ Здесь и далее — отрывки из рифмованной латинской рукописи середины XIII в. «О татарском нашествии». Цитируются в переводе М. Гаспарова.